

Е. БРОДСКАЯ

Л. М. Яновская. Последняя книга, или Треугольник Волада

**Л. М. Яновская. Последняя книга, или Треугольник Волада.
С отступлениями, сокращениями, дополнениями. М.: ПРОЗАиК, 2013. 752 с.**

Выдающийся отечественный литературовед Лидия Яновская умерла в декабре 2011 года. Ее научная биография, начинавшаяся еще в конце 1950-х годов, - пример упорной борьбы с идеологической цензурой. Борьбы и побед.

Наибольшую известность исследовательнице принесли работы о М. Булгакове. Можно без преувеличений сказать, что изданная в 1983 году монография «Жизненный путь Михаила Булгакова» стала сенсацией. Девять лет спустя вышла книга «Треугольник Волада».

Заглавие отсылало читателей к эпизодам романа «Мастер и Маргарита». Речь шла об изображении треугольника на портсигаре Волада и крышке его часов. Символ известный. О нем долго спорили литературоведы. Кто-то доказывал, что треугольник следует понимать как один из масонских символов. Другие настаивали, что символика романа - исключительно христианская. Как иронически отмечала Яновская, полемика велась о булгаковской «тайнописи» и «ключе» к ней.

Комментируя роман, Яновская демонстрировала: он был задуман не в качестве своего рода «криптограммы». Булгаков обращался к современникам и стремился быть понятным, а не разгаданным. Соответственно, тут и особый «ключ» не нужен, его уже предложил сам автор. Это реалии - исторического, политического и биографического характера. Тот же подход использован в книге «Записки о Михаиле Булгакове». Впервые она опубликована израильским издательством в 1997 году.

Два года назад вышла последняя книга Яновской. Это обобщающее исследование. Описана значительная часть булгаковского наследия, основное внимание уделено текстологии прозы, драматургии, а также биографии. Применительно к биографическим разысканиям стоит отметить: Яновская вовсе не пыталась доказать, что ее подход объективен. Напротив, акцентировала, что весьма часто «смотрит глазами Булгакова». Выявила она многое. Окружение Булгакова - часть его бытия, и Яновская особое внимание уделила родственникам и друзьям писателя. Со многими она была знакома лично.

Историко-литературные суждения Яновской аргументированы весьма тщательно. Она, в отличие от большинства коллег, не подменяла анализ документов - «полетом фантазии».

Известно, что Яновская была одной из немногих среди литературоведов, получивших доступ к булгаковским документам, хранившимся в Рукописном отделе Государственной библиотеки имени Ленина. Удалось это благодаря знакомству, а позже и

дружбе со вдовой писателя - Е. Булгаковой. Правда, работать с архивными материалами пришлось недолго. Но тем значительнее результаты.

В книге приведен текстологический анализ шести редакций романа «Мастер и Маргарита». По сути - восстановлена история каждой.

Как известно, Булгаков так и не закончил свой главный роман. С рукописями работала вдова, вносила правку и при жизни автора, и после его смерти. Потому вопрос об аутентичности до сих пор актуален. Но, согласно Яновской, администрация Библиотеки имени Ленина изначально прилагала немало усилий, чтобы не допустить исследователей к рукописному наследию. Исключения были единичны.

Яновской доказано, что булгаковские тетради были произвольно переформированы сотрудниками Рукописного отдела. Более того, некоторые страницы и вовсе утрачены - по неизвестным причинам. Неизвестными также остались и причины, обусловившие столь вольное обращение с документами писательского архива.

В этом аспекте примечательна характеристика одной из тетрадей. Яновская отмечает, что когда она работала с этим документом, «уже трагически отваливалась, повисая на каких-то уцелевших нитяных клочьях, обложка, которая при жизни автора и после смерти автора, и еще несколько лет после смерти его наследников прочно держалась на своем месте. Когда-то выдранные автором и тщательно же водворенные на место куски листов (не сразу заметишь, что выдраны), теперь выпархивали и взлетали, как больная птица, едва раскрывалась тетрадь» (с. 30). Сотрудники Рукописного отдела манипулировали документами. Ныне подобного рода манипуляции замалчиваются. Их словно не было. Ну а Яновская подчеркивает, что «смотрела фильм В. Я. Лакшина «Мастер». В. Я. Лакшин на экране радостно листал изуродованную тетрадь» (с. 30).

Примечательна в книге и полемика с известными булгаковедами. Связана она, в первую очередь, с текстологическим анализом редакций и попыткой каждого из названных Яновской исследователей восстановить тот истинный - по их словам - вариант романа «Мастер и Маргарита».

Весьма резко оспорены, например, результаты текстологических разысканий М. Чудаковой. Но в конце концов это спор профессионалов. Возможны различные мнения, существенно же, по словам автора книги, что текстологи и ныне не имеют возможности работать с рукописями. Руководство Российской государственной библиотеки им препятствует. Под любыми предлогами. Так было раньше, в советскую эпоху, ничего не изменилось и в постсоветскую.

Уместно отметить, что Яновская не только теоретизировала. Ею подготовлены к выпуску и опубликованы роман «Мастер и Маргарита», булгаковские повести и пьесы. Событиями стали киевское издание 1989 года, а год спустя - московское. Яновская таким образом дезавуировала издание, подготовленное А. Саакянц в 1973 году. Оно тоже упомянуто в книге, но здесь полемика ведется не так резко, как с Чудаковой.

Зато весьма подробно рассмотрены публикации В. Лосева, заведовавшего сектором в Рукописном отделе Ленинской библиотеки. Анализируются они как заведомо неудачный

пример использования пресловутого административного ресурса. Лосев, по словам Яновской, произвольно соединял фрагменты различных черновики романа. Можно сказать, кроил из имеющихся материалов новые редакции. Более того, результатам подобного рода «слияний» давал - по собственному же выбору - заглавия из числа отвергнутых автором.

Волей автора Лосев, разумеется, пренебрегал, даже и не оговаривая это. Таким образом, согласно Яновской, был подготовлен псевдобулгаковский роман «Великий канцлер», опубликованный в 1992 году полумиллионным тиражом.

На уровне тиража - результат предсказуемый. Обусловленный уровнем спроса. Но, констатирует Яновская, «иногда удивляло какого-нибудь неискушенного читателя: почему этого Булгакова так превозносят, если он писал как-то отрывочно, непонятно и, главное, не очень интересно?» (с. 55).

Специалистов тоже удивляли лосевские публикации. Однако оценить их в аспекте текстологической корректности не было возможности. Соответственно, Яновская констатировала: «Ничего этого не знает читатель, которому компиляциябулгаковеда представляют как булгаковский текст. “Поздравляю вас, соврамши”, - сказал бы в таком случае Коровьев. Но мы не будем повторять за нахалом Фаготом» (с. 55).

Подобного рода манипуляции, подчеркивает Яновская, отнюдь не редкость в булгаковедении. Характерны также случаи присвоения некоторыми исследователями результатов, полученных коллегами. Примеры в книге приводятся, причем истории подобного рода заимствований порою напоминают детектив.

Так, Д. Гиреев в 1980-м опубликовал книгу «Михаил Булгаков на берегах Терека. Документальная повесть». При этом он цитировал работы Яновской, но - без указания источников. Получилось, что воспроизведены фрагменты анонимных публикаций, и в итоге результаты Яновской присвоены Гиреевым.

В частности, булгаковский фельетон «Неделя просвещения» впервые напечатан владикавказской газетой «Коммунист» 1 апреля 1921 года, но сохранился лишь один экземпляр, обнаруженный Яновской в Академии общественных наук. По нему и подготовлена ее публикация в журнале «Юность». Этот текст Гиреев без пояснений включил в свою книгу, словно им найденный, после чего единственный экземпляр газеты таинственным образом из хранилища исчез.

На том детективная история не закончилась. Первая монография Яновской о Булгакове, как выше отмечено, вышла в 1983 году. Затем В. Петелин обвинил исследовательницу в плагиате. По его словам, текст булгаковского фельетона она заимствовала из книги Гиреева, не указав источник. Однако с учетом публикации в журнале «Юность», не замеченной или же игнорируемой Петелиным, понятно, что плагиатором была не Яновская.

Аналогична история с другой находкой Яновской. В архиве она выявила сведения о ранней булгаковской пьесе «Братя Турбины. (Пробил час)». К постановке ее готовил

МХАТ, была даже отпечатана афиша. Статьи Яновской о пьесе печатались журналами «Наука и жизнь» и «Вопросы литературы», откуда и почерпнул сведения Гиреев, включив их в свою книгу - тоже без указания источников. Соответственно, когда вышла первая монография Яновской о Булгакове, автору - стараниями Петелина - инкриминировали плагиат.

Случаев подобного рода заимствований было немало. Яновская в последней книге подвела далеко не все итоги. Впрочем, она и не считала эту задачу главной.

Существенно дополнена Яновской история булгаковских писем к Сталину. Канва ее общеизвестна. Однако выявлены и новые факты и, можно сказать, неочевидные связи булгаковских писем с прекращением или возобновлением постановок его пьес.

Характерно, что исследовательница акцентирует: Булгаков занят был не только своими личными проблемами. Например, просил генерального секретаря разрешить жить в Москве Н. Эрдману, отбывавшему с 1933 года сибирскую ссылку. Ответа, как водится, не было, но ситуация изменилась. Возможно, не без помощи Булгакова.

Яновская демонстрирует, что история обращений Булгакова к Сталину связана не только с писательской биографией. Это и отражение весьма сложных политических процессов, непосредственно или опосредованно влиявших на литературный процесс.

В заключение стоит отметить, что главная книга Яновской о Булгакове не завершена. Речь идет не о своего рода сюжетной завершенности. Она вполне очевидна. Но некоторые главы своей последней монографии исследовательница назвала «конспектами». Планировалось их существенно расширить. Работа продолжалась одиннадцать лет. И все же не хватило времени. А результат тем не менее поразительный.

Странное совпадение - почти одиннадцать лет Булгаков работал над своим последним романом и тоже не завершил последнюю редактуру.

«Причудливо тасуется колода», - говорил Воланд в романе Булгакова.